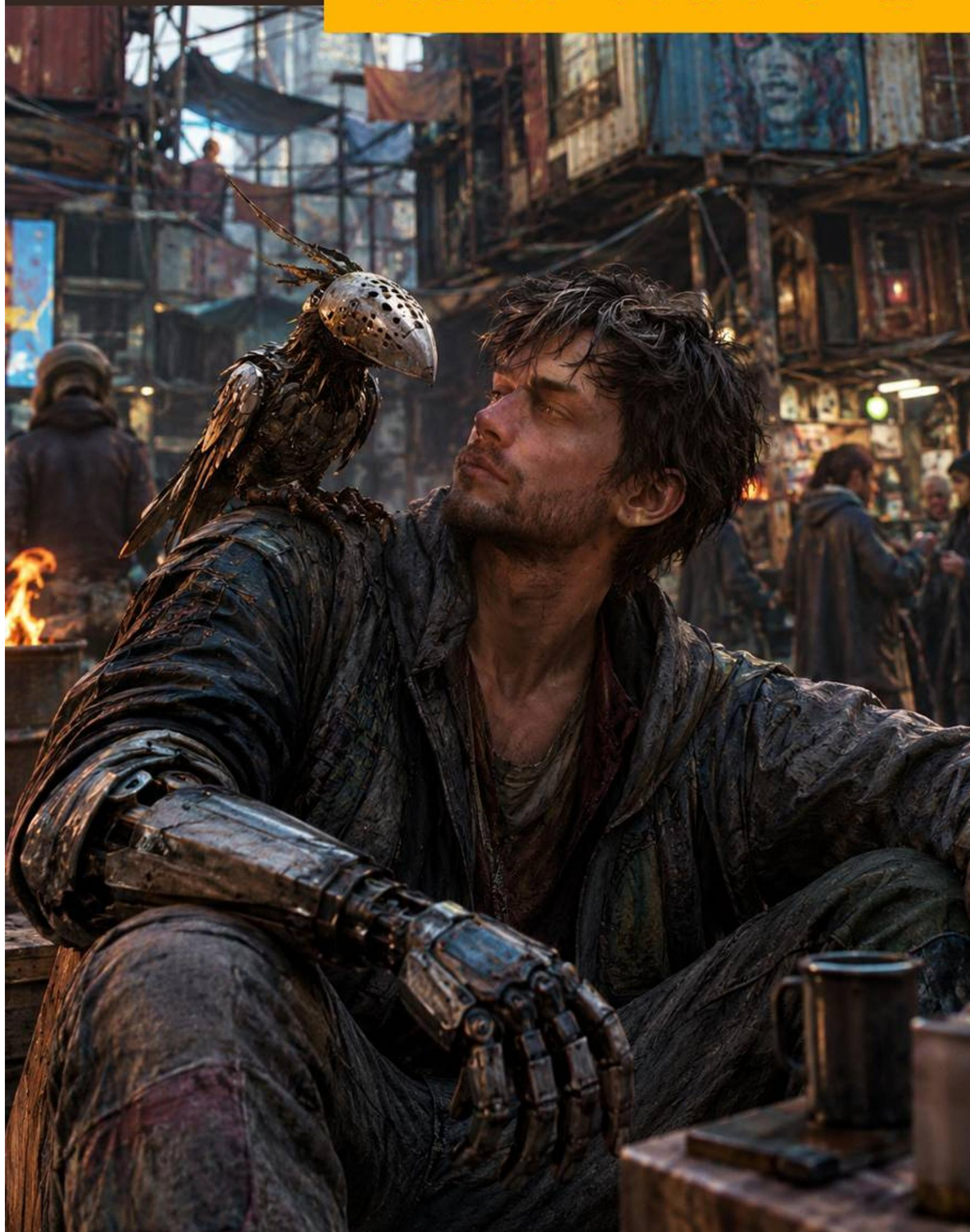

Игорь Спарк

КВАРТАЛ 7-Б

Игорь Спарк

Квартал 7-Б

«Автор»

2026

Спарк И.

Квартал 7-Б / И. Спарк — «Автор», 2026

Нью-Сити живёт по счётчику: мана — по подписке, свет — по расписанию, а бедным полагается ровно столько тепла, сколько не жалко корпорации. Гарт — технарь с военным протезом вместо правой руки и нулём на ладони вместо баланса — просто чинит чужие артефакты и не лезет в политику. Пока сосед не приносит ему из руин довоенный концентратор: вещь, запрещённую законом и способную зажечь весь квартал бесплатно. Дальше — не история о герое, который спас мир. Это история о человеке, нашедшем трещину в системе, и о том, кому он решает светить в эту трещину, пока корпорация, инспектор с собственной тёмной правдой и жадность самых близких не решат всё за него. Плотное техно-фэнтези на стыке с киберпанком — про ворованный свет, про долг, который никогда не обнуляется, и про то, что иногда «достаточно» — это уже победа.

© Спарк И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Отходы — в доходы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Игорь Спарк

Квартал 7-Б

Глава 1. Отходы — в доходы

Гарт просыпается не от звука, а за полсекунды до него — тем древним, ещё дочеловеческим запасом слуха, который умеет отличать звук будущего от звука настоящего и поднимать тело чуть раньше, чем разум успевает понять зачем, — и потому уже знает, безошибочно, не открыв глаз, что где-то в темноте контейнера сейчас треснет фарфор о бетон: короткий, стеклянный вскрик, за которым обязательно последует пауза, слишком длинная для случайности.

Пако срывается с полки бесшумно — заводной механизм у него в основании крыльев истёрся настолько, что движение выходит не полётом, а падением, изящно замедленным привычкой, — и бросается клювом на блик, скользнувший по боку чайника: третий день голем путает отражения со светлячками, и никто ещё не придумал, как объяснить существу, слепленному из дырокола и упрямства, разницу между насекомым и оптическим обманом, потому что для Пако, вероятно, этой разницы попросту не существует, как не существует разницы между сном и явью для того, кто никогда не спал.

Осколки. Мастерская-контейнер в семь утра пахнет так, как пахнет всё в этом квартале одновременно: металлом, вчерашним концентратом и — необъяснимо, вопреки трём безоблачным дням подряд — сыростью, тем особым запахом, каким сыреет лей-обшивка изнутри, когда перепад ночной и дневной температуры проходит сквозь металл, будто через кожу, и оставляет на ней невидимую испарину. Гарт тянется здоровой левой рукой не за тряпкой, а за отвёрткой, и это не решение, это условный рефлекс, вбитый годами в самый костный мозг: сначала чинишь, потом убираешь, потому что мир, в котором ты живёшь, не прощает обратного порядка действий.

Правая рука — протез — заедает в локтевом сочленении с тем особым, скребущим звуком, каким говорит металл, вынужденный тереться о металл без смазки: штифт вылетел ночью, пока Гарт спал беззащитным сном человека, которому нечего терять кроме сна, и теперь сустав жалуется на каждый сгиб, как дверь, которую забыли смазать перед долгой зимой. Он находит штифт под топчаном — тот закатился к банке со светоцветом, тускло, почти извиняюще мигающим на пределе заряда, — и вбивает его обратно молотком-отвёрткой, инструментом о двух головах, который выточил сам три года назад из обломка станины, не подозревая тогда, что три года спустя этот же инструмент понадобится ему для вещей, которые сейчас невозможно даже вообразить.

Рука когда-то принадлежала солдату — Марцен снял её с тела в разбомблённом квартале и продал за бесценок, не спрашивая ни имени, ни звания, ни того, простит ли его хоть кто-нибудь на том свете за подобную бухгалтерию, — и по ночам, время от времени, металл под кожей культи начинает ныть с той тупой, необъяснимой настойчивостью, с какой, по слухам, ноют ампутированные пальцы, будто тело помнит не своего, а чужого хозяина, будто боль эта не принадлежит Гарту, а просто временно проживает в его теле, как жилец, не заплативший за комнату. Гарт гонит эту мысль так, как гонят муху в жаркий полдень: отмахнулся, забыл, живём дальше, — потому что позволить себе задуматься об этом всерьёз означало бы впустить в свою жизнь ещё одного призрака, а призраков в его контейнере и без того хватает.

Гарт разжимает левую ладонь тем движением, что давно перестало быть жестом проверки и стало ритуалом, сравнимым разве что с крестным знаменем бедняка: с тыльной стороны кожа как кожа, ничего не разглядишь, гладкая, тёмная от вьёвшейся металлической пыли,

— а правая рука для подобной проверки вообще не годится, металл индикаторов не держит, синий свет попросту тонет в сплаве, как тонет спичка в проруби. Здесь же, у самого основания большого пальца, там, где кожа тоньше и ближе к кости, под ней медленно, будто нехотя, проступает контур — синий, тонкий, похожий на татуировку, сделанную не чернилами, а самим светом. Баланс: 0. Мана заблокирована — сухая формулировка, за которой скрывается вся архитектура его нынешней жизни. Чуть ниже, мельче, но отчётливее раздражающая, чем сам ноль, потому что ноль хотя бы честен, — цифра задолженности: восемь монет, растущих медленно, но с той неотвратимостью, с какой растёт всё, что тебе не принадлежит, но что придётся однажды оплатить.

Он проверяет ладонь не потому, что надеется на чудо, а потому, что не проверить страшнее: цифра, которую не видишь, разрастается в голове быстрее, чем растёт настоящая, обрастает воображаемыми нулями, как рана обрастает воспалением, если её вовремя не промыть. Рядом с нулём, будто издеваясь над самой природой долга, проступает рекламная руна — мельче основных цифр, но настойчивая, вкрадчивая, как сосед, который стучит в дверь, прекрасно зная, что дома никого нет, и стучать можно долго: «Пополните счёт сегодня и получите пять монет в подарок!» Лей-Телеком умеет улыбаться даже тем, кому нечем платить, — в особенности им, потому что улыбка компании ничего не стоит, а вот стоит она достоинства тому, кто вынужден видеть её каждое утро, прежде чем успевает открыть глаза до конца.

Стук в дверь — три коротких, один длинный, соседский код, отработанный годами так основательно, что тело узнаёт его не ухом, а спиной, ещё до того, как сознание успевает перевести стук в смысл. Зульса стоит на пороге в пальто, накинутом прямо поверх ночной рубашки, с тем особым выражением лица, какое бывает у людей, которые всю ночь готовились не заплакать и почти преуспели, — и по этому лицу сразу понятно: что-то умерло. Оказывается — кот. Уголёк, шестнадцать лет, пережил две зимы без отопления назло всем законам вероятности и не пережил эту весну, будто решил, что раз тепло наконец пришло, дальше можно и отпустить.

— Мне свечу нужно, Гартик, — говорит она голосом настолько ровным, что ровность эта звучит громче любого рыдания. — Ритуальную. Проводить надо как положено, он это заслужил, шестнадцать лет — не шутка.

— У тебя же счёт...

— Ноль, — произносит она это слово с той интонацией, с какой произносят название болезни, как будто оно имеет физический вес, который она устала таскать на себе годами. — Рейтинг просел за прошлый месяц, мне даже эконо́м не продлили. Сказали: сначала долг закрой, потом разговаривай. Как будто я виновата, что зима была длинная, а Уголёк — старый.

Гарт молчит секунду, ровно столько, сколько нужно, чтобы решение созрело раньше слов, потом лезет в жестяную банку под верстаком — там жучок, самодельная коробочка размером с ладонь, обмотанная изолентой в три неаккуратных слоя, которая при должном заряде способна выдать пятнадцать минут ворованной, но вполне настоящей маны.

— Пятнадцать минут, — говорит он. — Свечу зажжём и хватит. Больше не проси — у меня самого счёт на нуле третий день, и долг растёт быстрее, чем я успеваю его закрывать.

Зульса не благодарит словами — просто берёт его здоровую руку обеими своими, узловатыми от возраста и старой работы, и держит на секунду дольше, чем требует простая вежливость, будто хочет передать через кожу что-то, для чего у неё давным-давно не осталось подходящих слов.

В комнате Зульсы свеча вспыхивает ровно, как и полагается, — маленькое, честное пламя над фотографией серого кота с оторванным когда-то в драке ухом. Но жучок, старый и уставший ещё до того, как это утро началось, перегревается на третьей минуте: короткая искра, запах палёной изоляции, электрический вскрик — и коробочка выплёвывает разом весь заряд

одним широким, неконтролируемым импульсом, не пятнадцать минут по каплям, как было задумано инженерной мыслью её безымянного создателя, а всё и сразу, на весь квартал целиком, будто плотину прорвало не водой, а светом.

Девять домов вспыхивают одновременно, и на секунду квартал выглядит так, как, должно быть, выглядел когда-то Первый уровень — до войны, до Сдвига, до того, как свет стал роскошью, а не данностью, которую можно расходовать не считая.

У Тарха, что через два контейнера, взрывается заклинание-обогреватель — вспышка тепла настолько резкая, что он выскакивает на улицу в исподнем, матерясь на «городские шутки», которые, по его глубочайшему и непоколебимому убеждению, корпорация устраивает специально, чтобы поиздеваться над стариками, доживающими свой век без всякого уважения к прожитым годам. У девчонки Мальты, живущей в соседнем блоке с матерью, оживает игрушка-голем, простоявшая без искры три месяца, — маленький жестяной заяц дёргается, делает три неуверенных шага и падает набок, будто сам удивился, что снова умеет двигаться, будто движение для него не функция, а чудо, в которое он и сам до конца не верил. Где-то на окраине квартала воет собака — долго, на одной ноте, будто через её горло воет весь район сразу, вспоминая одновременно и войну, которую никто из живущих здесь толком не застал, и просто испуг перед резким, непрошеным светом.

Гарт хватает жучок голыми руками, чтобы вырубить, — и тут же шипит сквозь зубы: металл раскалился до того предела, когда кожа реагирует раньше разума, и на пальцах тут же вспухает розовый, влажный волдырь. Импульс гаснет через три секунды. Тишина после него звучит громче самого импульса — плотная, звенящая, физически ощутимая тишина, какая бывает в воздухе сразу после близкого грома, когда сама атмосфера будто оглушена собственной вспышкой.

Он идёт по домам не извиняться — проверять показания. Не электрические: телесные. Передозировка маной у стариков даёт временную слепоту на пару минут, будто в глаза плеснули чем-то белым и обжигающим; у детей — жар и тонкий, комариный звон в ушах; у взрослых обычно просто головокружение и дурной металлический привкус во рту, будто лизнул батарейку языком, не подумав о последствиях. Гарт стучится, светит фонариком в глаза, спрашивает «сколько пальцев», щупает пульс на запястье здоровой рукой — быстро, привычно, без лишних слов, тем механическим милосердием, которое вырабатывается у людей, вынужденных чинить последствия чужой удачи вместо того, чтобы ею наслаждаться.

Тарх матерится всю дорогу, но пальцы называет верно — с ним всё в порядке, кроме уязвлённой, старческой гордости, которая страдает сильнее любого органа. У Мальтиной матери дочь смеётся, танцуя по комнате с ненадолго ожившим зайцем, и говорит Гарту «спасибо», как будто он устроил праздник специально, по доброте душевной, а не по случайности и запоздалому раскаянию. Гарт не поправляет. Так проще — пусть благодарят удачу, а не человека, который чуть не сжёг квартал самодельной коробочкой из изоляции и нервов.

К тому времени, как обход заканчивается, начинает темнеть по-настоящему, и руки у Гарта пахнут палёным пластиком уже третий час подряд, а волдырь на пальце лопнул сам собой где-то между третьим и седьмым домом, оставив тонкую полоску сукровицы, на которую он даже не смотрит.

Марцен врывается в мастерскую без стука, запыхавшийся так, будто бежал не с базара, а от кого-то вполне конкретного, чьё имя предпочитает не произносить вслух даже наедине с самим собой. Клетчатая куртка на два размера больше, чем нужно, — с чужого плеча или с чужого прилавка, не разберёшь, да и не хочется разбираться. Ногти обкусаны до мяса, взгляд постоянно соскальзывает к окну, к двери, снова к окну, будто он ждёт, что за ним вот-вот придут, просто ещё не решил, с какой стороны следует ждать беды.

— Я видел, — говорит он вместо приветствия. — Импульс. С крыши видел, весь квартал разом полыхнул, будто кто-то щёлкнул выключателем сразу для всех.

— Прятался от кого?

Марцен дёргает плечом — не ответ, но Гарт и без ответа знает: долги Марцена букмекеру растут быстрее, чем он успевает их гасить, и крыши квартала он изучил лучше, чем собственную комнату, в которой в последнее время почти не бывает, предпочитая спать где придётся, лишь бы подальше от тех, кому должен.

— Что у тебя?

— Сначала договоримся. — Марцен садится, не дожидаясь приглашения, барабанит обкусанными ногтями по верстаку в ритме, который выдаёт нервозность лучше любых слов. — Пятьдесят на пятьдесят. С будущей прибылью.

— Пока не вижу товар — не вижу цифр.

— Тяжёлая штука. С кристаллом внутри. Я не спец, но светится она правильно. Так, как надо светится, понимаешь, о чём я?

Гарт молчит, Потом кивает — не потому что верит Марцену, а потому что любопытство у него всегда было сильнее осторожности, с самого детства, и это качество ещё ни разу его не спасало, зато приводило в куда более странные места, чем этот вечер.

— Тридцать процентов, — говорит он.

— Сорок.

— Тридцать пять.

Марцен тянет с ответом ровно столько, сколько нужно, чтобы казаться серьёзным партнёром, а не мелким перекупщиком с базара, случайно наткнувшимся на удачу, потом протягивает обкусанную руку. Гарт пожимает её здоровой — рукопожатие короткое, сухое, как между людьми, которые оба прекрасно знают, что доверие тут вообще ни при чём, есть только временное, шаткое совпадение интересов, готовое треснуть при первой же серьёзной нагрузке.

Когда Марцен наконец уходит, обещая вернуться утром «обсудить детали», — Гарт остаётся один.

— Занятно, — говорит он вслух, ни к кому конкретно не обращаясь, и ложится спать.

За окном контейнера квартал понемногу затихает — те девять домов, что сегодня на три секунды почувствовали, каково это, когда света достаточно, чтобы не экономить каждое движение. Гарт лежит в темноте и слушает, как где-то далеко, на самом излёте, всё ещё жалобно скулит собака, которая никак не может забыть чужой испуг, будто взяла его на хранение для всего квартала разом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.